

Владимир Ханан

Из сборника "Без воли"

НА СМЕРТЬ ЦИЦЕРОНА

Марк Туллий! корень зла— сей воздух ядовит,
но речь идет о том, что Рим гниет, Марк Туллий.
Равно заражены сенаторы, сады,
и бабы жирные, и греки гувернеры,
и в доме Януса воинственный, привычный
сквозняк...

Клянусь судьбой— прискорбный вид, Марк Туллий!

СТЕКАЕТ МОЗГ В ПРИБРЕЖНЫЕ ПЕСКИ

Невыразимо сух прибой сыр овечий...
Что в Городе тебе?— бродяги, кабаки,
изысканных матрон любовники быки,
да к небу кулаки— азы плебейской речи.

Что в Городе тебе?

Замкни губастый рот:
дежурный триумвир охвачен честной жадой —
Он Фульвии своей преподнесет однажды
Твой череп.

Конвойный, грубый скот,
вольнотпущенник— он карьерист, мерзавец!
Три довода мечем неотразимы.

В том
Порукой Фульвия. И опустевший дом.
И македонский брег.

Но неужели зависть
В ораторе такой мог вызвать аргумент:
Испанский острый меч?

Как воздух густобел!
 Твой гордый рим гниет, как старый сифилитик.
 Ты недорассчитал, блистательный политик.
 Недоучел, писатель, проглядел.

ВТЕКАЕТ МОЗГ В ПРИБРЕЖНЫЕ ПЕСКИ

Густеет немота сенаторской конюшни.
 Наглеют всадники. В провинциях разврат.
 Дежурный триумвир томится жаждой власти,
 И он не пощадит.
 /несчастный мой язык проколотый иглой нет шпилькой
 злобной бабы и правая рука прибитая к трибуне на
 площади/

ТАК.

Я, Марк Туллий Цицерон,
 сим явствую векам смерть Города-
 героя:
 республика Меча рождает Трон,
 могилу собственную роя.

СТРАХ СЛУШАЕТ СЕБЯ И ГЛУШИТ ПЛЕСК РЕКИ
 ВО ТЬМУ НАБУХШУЮ РАСПАХНУТОЙ АОРТЫ
 НО ВЫСЫХАЕТ МОЗГ И С НЕБА ЗВУКИ СТЕРТЫ
 И ВЕЧНОСТЬ СОННАЯ ЛОЖИТСЯ НА ПЕСКИ

х х х

В цветах по пояс утопая,
Чудную дудочку неся,
Проходит девочка слепая,
Тихонько пальчиком грозя.

Идет широкими дубами,
Ах, вы, дубочки,—дерева!
Идет, кривляется губами,
Но почему-то нежива.

Играла песенку недавно,
А нынче дудочки мертвей.
Осина, лиственница, Дафна.
Бог, человечек, муравей.

Лесок— свирельная машинка,
Да муравейник по весне.
Петляет узкая тропинка.
Рыдает девочка во сне.

И набухает над висками
Больного века духота,
Где в слове чувствуется камень,
Вот только девочка— не та.

Такой премиленький палачик,
Все услужает невпопад...
На небо жалуется, плача,
А в небе ласточки летят.

И дудочка тростинкой вещей
Спешит по зреющим цветам
Туда, где кормят по часам,
И плачет камень, овдовевший
С тех пор, как умер Мандельштам.

х х х

О.С.

Московская веточка, верная мужу жена,
Причесанная под Ахматову Анну Андреевну,
Я в грусти— такие стоят на Москве времена,
Что тянет в деревню.

На темные книги, на теплый овчинный мирок,
Где пахнет мышами...
А жесткому веку исправный заплатят налог
Петербуржане.

Лакейское дело— Пегаса таскать по гостям,
Хотя и не слаб, и словесным не пахнет навозом.
Мы пишущих ценим за ямочку, челку, пустяк...
За боль под наркозом.

А нынче я издали шлю вам мой сложный поклон,
Имея в виду в основном— и чуть-чуть между прочим—
Что дует у Вас и у нас ледяной Аквилон,
И общность судеб нам слепая гадалка пророчит.

Что год протяженен, но короток век наш весьма.
И путает Лета, сухие готова обьятья.
И юные девочки сходят, как в омут, с ума,
Надевши до времени черные платья.

Зачем я пишу Вам?— Вы проклинали имя мое,
Не по петербургски библейское имя.
Но так сокровенно ночная подруга поет,
Забвенье ломает, из тяжелой могилы встает,
И пробует почву ступнями босыми...

ooo

х х х

Ночная девочка любовника проспит
И влажный рот прощаньем не унизит,
Спокойных кос тяжелых не поправит
И гостя не проводит до дверей.

Пусть он уйдет, не видимый никем,
Чужой себе и сна врачкам кошачьим,
Пусть он уходит— в сердце мало места,
И нежности объятья не нужны.

И гость уходит в зыбкий зябкий город,
И медленно живет и забывает,
И лечит память от припадков грусти,
Кощунственно похожей на любовь.

Но никогда не вылечится. Утром
Его подруга радостно проснется
И вспомнит сказку— ну, конечно, сказку!—
И скажет: "Я не помню ничего."

ooo

НА ТЕМУ ГОРОДА — ВАРИАНТ

Медленный город. Громадно зияет прокол
На оболочке. Со свистом идет испаренье
Вязкого камня, блокадного гулко-го сна,
Нищенских пресных ночей... И подручный рассвета
Не застает никого...

Этим часом Судьбы я, неудачник, застигнут.

Где вы, друзья ожиданья о новом потом?
Календари заплывают, кривя очертанья
Масок и лиц — все готовы к началу скитанья,
Вещий дворец и сегодня построенный дом.

Эта земля, породнившая камень и плоть,
Нас отдает, но сама отдается со скрипом.
Будет тебе в лицедействе твоём многоликом! —
Будет и нам, не сумевшим тебя обороть...

Так вытекает, в чахоточный сжавшись плевок,
Воля пространства, оружие скрестившего с небом.
О посмотри! — никогда так пророчески не был
Страшен закат, перекошен любой уголок.

Где вы, друзья ожиданья по клетям своим?
Воплем о множестве стих заклеимен, как ублюдох,
Сколько веков нам осталось, эпох или суток,
Чтоб расплатиться по счету и кануть за ним.

Жив, но измучен проклятьем твоим родовым...
Смел, но раздвоен твоим скороспелым распадом...
"Всею до свиданья" — кричу — "мы сиротствуем рядом...",
То есть — "Прощай!" — и в глухое бесславие, в дым...

Ну а пока— хоть чуть-чуть, хоть на жалкую треть
Истовой веры и ужаса, ждущих ночами,—
Дай долюбить, доболеть, и навечно плечами
К праху прильнуть, и упасть, и собой подпереть...

— Время-то, Господи! Мертвые глади равнин
Как изнуряют! зовущим подобьем запоя.
Медленный город. Камены лицо восковое.
— Слышишь ли, Господи!— я в этом мире один.

ooo

х х х

Белый город не станет, как водится, красным.
Постоянство есть верность себе без души.
Пожилые мечты без вопросов напрасных,
Молодая любовь от соседства в глуши.

Я хотел бы соседствовать чинно и кротко,
По плебейски приемля любой аромат.
И пускай дорожает всеобщая водка,
Если есть для ума и кредит и ломбард.

Мне уже не мешают пустоты на карте
Безвозмездной любви по безделице сил,—
За пресветлую радость родившихся в марте,
Что стекают с небес и текут в небеси.

Так сбывается ветер, посеянный кем-то,
Кто умел сострадать, замыкая кольцо.
Почему же сегодня у интеллигента
Видишь страх на лице— а потом уж лицо?

ooo

х х х

Поруганный, сходя в чужую осень,
Он был на изумление хорош.
Как ни крути, как ни верти, Иосиф,
А против родственников не попрешь!

Родня крепчает в силосе и силе,
Набыченная, сбита в кулак,
В крестьянском поте, в лошадином мыле,
В необходимых, будничных делах.

До слез своя... А есть ли строже судьи!
Пусть мнение их предопределено —
Земля кругла, и все равно, по сути,
И где и кем посажено зерно,

Да прорастет! Посаженные криво,
Мы прорастем — по буковке, из тьмы...
Твой иероглиф выглядит красиво,
Иосиф, убежавший от тюрьмы!

Плати и дальше ненадежным цантом
За наши предреченные бои,
И что с того, что с варварским акцентом
Библейские страдания твои!

Родня, Иосиф, — братья и земляне —
Одних и тех же сволочных корней.
Крепка Москва, безбрежны египтяне,
И бог чужой нам своего родней.

ooo

х х х

Будто колодец... Россия... Пустое ведро...
 Не обнесли на пиру горевой и помпезной.
 Я потонул, точно муха, в сомнительных "рго",
 Но не унижусь до этой, когда-то любезной...

Как мне отмыкалось? Что отмычалось? !
 Степь-чернозем, заповедное небо в алмазах.
 Бедное чудо- сибирские, волчьим огни...
 Странное чудо- любить, на бумаге размазав.

Рифма и ритм означают мистический крен.
 Глохнут сомненья, покорствуя русскому слогу.
 Эта земля богаче своих ипокрен.
 Грош разменять выхожу на большую дорогу.

ooo

xxx

Когда предчувствия гуляет поводья,
 Сама собой расходуетя воля.
 На край беременного поля
 Садится птица сил, раскованного горя,
 Живого колоса растёт колючий штырь.

Закономерность тем и хороша,
 Что накрывает случай теплым клювом.
 Вот почему я слышу, но не шлю вам
 Животный крик, когда кричит душа.

...квадрат окна перечеркнув трубой,
 Пространство рвет громада комбината.
 Труба- гобой; три этажа- соната; -
 Не черт ли здесь играл? - но если надо,
 Я проживу с закушенной губой.

О, как легко... Языческая лирь
 В ромашках-лютиках и прочем,
 Вся эта видимость, в какую слезы точим,-
 Ужели все, о чем во тьме пророчим,
 Есть только голосу назначенный пустырь?

"Кому повем?.." Я знал, покуда жил.
И даже пел решительней, чем пелось.
Скелет познания не расчет, но смелость.
Открыл окно: труба куда-то делась...
Косые тени вечер положил.

ooo

"И перевод российских
судеб
не мыслим на другой язык..."
В.Нестеровский

Того дано не знать аэрофлоту,
Покуда кладь не бросилась к рукам,
Что люди, предназначены к полету,
Еще вполне сидят по кабакам.

Еще вполне смиряют жигулевским
Своей души постылую тугу,
И в целом доверяют перекресткам,
Где ангелы занюханы в снегу.

Лишь изредка, в табачной сырной фреске
На потолке, что грязен и покат,
Читают стихотворчески нетрезво
Обрывки строк и слово не попад.

Что означает самый акт сиденья
В кругу неумолимых мастеров
Бумажных блюд? И чем в конце концов
Оплачивает нищий вдохновение?

Едва ли ваш аэрофлотский бег,
Пришив для пущей важности погоны
И отоварив все свои резоны,
Заменит им табачный этот кров.

...Так вот и ждем, кого-то провожаем,
На самолет решительный сажаем,
Свечой горит закат, насквозь багров.

Он не искал ни подлости, ни позы...
И все твердят, рывком глотая слезы:
"Прощай, Петров! Прощай, Иван Петров..."